

К этому часу улицы Пекина уже вовсю бурлили жизнью. Иньжэн и Хунши не желали привлекать к себе лишнего внимания, поэтому их экипаж катил неспешно. Иньжэн уже начал погружаться в дремоту, когда карета наконец остановилась. Охрана доложила: третий молодой господин из клана Фуча ожидает их в уединённых покоях на втором этаже.

Спустившись на землю, они вошли в залу ресторана. Окинув беглым взглядом первый этаж, Иньжэн невольно признал: Ресторан Драконьего Источника обустроен на славу. Надо же, а Хунши неплохо наладил здесь дела. Вот только что за девица в белых одеждах у входа? С её жеманным, кокетливым видом, когда она то скромно опускает глаза, то манит мимолётным взглядом, ей бы в весёлом квартале вывеской служить.

Впрочем, бывший наследный принц никогда особо не радел о строгом соблюдении приличий — по крайней мере до тех пор, пока чужие глупости не досаждали ему лично. Скользнув по девице равнодушным взглядом, он без лишних слов направился по лестнице вверх.

Покои на втором этаже состояли из двух смежных комнат — планировка на редкость удачная, позволявшая вести беседу, не опасаясь лишних ушей. Всё было устроено на удивление толково. Похоже, обе стороны прекрасно понимали, ради чего затеяли эту встречу. Что же касается выбора... Иньжэн едва заметно усмехнулся: ведь гость уже явился на зов.

За круглым столом сидели трое юношей. Один держался вызывающе и дерзко, второй дышал воинственной удалью, третий казался мягким и покладистым. Впрочем, сейчас они вели себя на удивление одинаково: каждый степенно держал в руках чарку чая, время от времени делая неторопливый глоток.

Стоило Иньжэну переступить порог, как он едва заметно усмехнулся с былой царственностью — так смотрят на подвластный мир с высоты престола. Этот высокомерный жест мгновенно задел Иньти: тот невольно вскинул брови, и его взгляд сделался острым и колючим, точно лезвие клинка. Хунши же, спасая собственную кожу от этой негласной бури, поспешил выставить перед собой проверенную двумя жизнями мягкую улыбку. Воздух в комнате застыл. Началось безмолвное противостояние — и когда только они угомонятся?

В приоткрытую дверь робко протиснулся слуга. Дрожащими руками он поспешно расставил на столе яства и вино, после чего испарился так стремительно, словно спасал собственную жизнь.

Хунши надоело изображать из себя безмолвную декорацию с приклеенной к лицу благообразной маской. С сухим стуком опустив пиалу на стол, он разорвал сгустившуюся тишину. Встретив два тяжёлых, всё ещё пышущих злостью взгляда, юноша напустил на себя самое невинное выражение:

— Господа, быть может, мы побеседуем за трапезой?

Иньти покосился на него и пренебрежительно фыркнул:

— А ты, Хунши, я гляжу, прилежно перенял у Старого Восьмого его излюбленную привычку сглаживать углы. Процентом на семьдесят освоил, не меньше. Немудрено, что Четвёртый тебя на дух не переносил.

Иньжэн открыто рассмеялся:

— Четвёртый просто завидовал! Всё-таки собственный сын превзошёл его в умении ладить с людьми.

Иньти прикрыл глаза, пряча мимолётную тень тоски, промелькнувшую во взгляде, и негромко обронил:

— Наш наследный принц верен себе. Всё так же горой стоит за своих...

Иньжэн не ожидал услышать от него подобное. На мгновение его захлестнула волна воспоминаний о прошлой жизни, и он горько усмехнулся:

— Кто ко мне с добром, к тому и я со всей душой.

Иньти отвёл взгляд. Внезапно вся эта словесная пикировка показалась ему пустой и бессмысленной. Стерев с лица всякое выражение, он сухо сменил тему:

— Баочэн, Хунси теперь мой младший брат, Фучанъань.

Эти слова заставили вздрогнуть каждого из троих.

Хунши изумлённо нахмурился, силясь разгадать замысел Иньти, но на лице того не отразилось ровным счётом ничего. Теряясь в догадках, он с тревогой перевёл взгляд на Иньжэна.

Иньжэн резко вскинул голову и впился взглядом в глаза старшего брата. Прочтя в них непреклонную решимость, он получил ответ, которого так жаждал. Душа его перевернулась. Хунси... Его первенец, ставший взрослым мужем, его самый близкий, преданный сын. Юность и зрелость этого мальчика были безжалостно растоптаны из-за ошибок отца...

Иньжэн зажмурился, с трудом сдерживая бурю чувств. Баоцин! Они ведь столько времени знают о перерождении друг друга, а этот мерзавец и словом не обмолвился о племяннике! Ну и паршивец...

Иньжэн стиснул зубы и, не сдерживая клокочущей в груди ярости, гневно выдохнул:

— Где Хунси?

За тонкой бамбуковой ширмой, отделявшей соседнюю комнату, стоял ребёнок. Вглядываясь в смутный силуэт за полупрозрачным полотном и слушая этот до боли знакомый голос, он почувствовал, как глаза предательски щипало. Десятилетия разлуки, затаённая тоска и давние обиды разом всколыхнулись в груди. Сделав глубокий вдох, он медленно обогнул ширму и направился к человеку, чья прямая, гордая осанка осталась неизменной даже спустя целую жизнь.

Иньти едва заметно усмехнулся и выразительно повёл бровями, указывая взглядом за спину Иньжэна.

Иньжэн стремительно развернулся. Шагах в пяти от него застыл мальчик лет шести-семи. Очертаниями лица он больше чем наполовину походил на прежнего Хунси. Покрасневшие глаза ребёнка блестели от набегавших слёз, а губы были упрямо сжаты в тонкую линию.

Это был его сын. Его Хунси.

Оба они замерли, не в силах промолвить ни слова, оглушённые этой встречей. Наконец Иньжэн резко поднялся со стула и в несколько размашистых шагов преодолел разделявшее их расстояние.

Мальчик со всех ног бросился к отцу и прижался к его груди. Не в силах больше сдерживаться, он разрыдался, содрогаясь всем телом, и сквозь душившие его слёзы отчаянно закричал:

— Ама-а-а!!!

Иньжэн крепко прижал к себе сына, лаская его так, как делал это когда-то давно — руки едва заметно подрагивали, вспоминая забытые, но врезавшиеся в память движения. Он тихо баюкал его, поглаживая по спине, и шептал сорвавшимся голосом:

— Хунси... Мой мальчик... Хунси...

Слёзы сами собой покатались по щекам бывшего наследного принца. Нечаянная радость обретения того, кого он похоронил в своём сердце, затопила разум чистым, незамутнённым восторгом.

Глядя на обнявшихся отца и сына, бесшумно содрогавшихся от плача, Хунши почувствовал, как к горлу подступил горький ком.

«Вот она, подлинная родительская любовь. Как же хочется иметь то же самое... Мой собственный отец — хоть прежний, хоть нынешний — при нашей встрече в этой жизни не вызвал у меня и сотой доли подобного трепета».

Сделав глоток остывшего чая, Хунши попытался унять бушевавшие в душе чувства. Но даже за

этой маской он уловил взгляд, который Иньти устремил на плачущих отца и сына. В его глазах сквозили неподдельная нежность, глубокая жалость и щемящая боль.

Сердце Хунши пропустило удар от этого открытия.

Иньти медленно перевёл взор на племянника, и их глаза встретились.

«Иньжэн — мой названный брат. Я поклялся оберегать его до гробовой доски».

«А в прошлой жизни он был моим младшим братом. И в этой жизни я исполню свой долг перед ним, чего бы мне это ни стоило».

«Брат Хунси очень опекал меня, когда мы учились в Императорской школе. И вообще, он сын моего названного брата... Тьфу, ну и неразбериха с поколениями!»

«А в этой жизни я сам воспитываю его как своего младшего братишку, так что деваться мне некуда — пригляжу за сорванцом».

«Они — самые дорогие мне люди».

«Ну а если выбирать между Иньжэном, Четвёртым и Восьмым... к кому у тебя душа больше лежит?»

Хунши, не раздумывая ни секунды, сердито зыркнул в ответ:

— Разумеется, к брату Иньжэну!

Старший принц довольно сощурился.

Досада шевельнулась в груди Хунши. Он опустил глаза, а затем вновь резко вскинул голову, и взгляд его стал пугающе пронзительным:

— Трон, наш державный дед Канси и Второй дядя Иньжэн... Кого выберешь ты?

Иньти на миг опешил. Затем он медленно откинулся на спинку стула и тихо, искренне рассмеялся:

«В этой жизни я больше не желаю раскаяния. Я не совершу прежних ошибок. Что бы ни приготовила судьба, я сберегу Баочэна».

Напряжение покинуло плечи Хунши, и он облегчённо улыбнулся. Ещё тогда, когда он только признал в Фуканъане своего старшего дядю, он заметил, что у Инъжэна нет к нему той слепой, ядовитой вражды, о которой судачили хроники. Кое-какие смутные догадки посещали его и раньше... Что ж, пожалуй, всё складывается как нельзя лучше. Чем больше людей укроет Второго дядю от невзгод, тем спокойнее. Ведь Инъжэн, несмотря на всю свою гордыню, в глубине души всегда оставался ранимым и беззащитным.

Инъти одобрительно наблюдал за выражением лица Хунши. А Баочэн времени зря не терял — воспитал превосходного... младшего брата? Или всё-таки племянника? Инъти поморщился: от этих хитросплетений родственных связей голова шла кругом. Как теперь делить старшинство? К тому же в груди шевельнулась ревнивая настороженность: эти двое, Хунши и Баочэн, держались друг за друга слишком уж крепко.

«Я ведь сам намеревался наладить отношения с Инъжэном, без посторонней помощи, и делиться вниманием брата с племянником совершенно не горю желанием».

Переведя взгляд на безутешно рыдающих отца и сына, он задержал взор на Хунси. Старший принц лукаво усмехнулся. Он чуть склонил голову набок и придиричиво оглядел Хунши с ног до головы: «Что ж, сойдёт. Вполне сгодится для парня, которого я сам натаскиваю».

Под этим тяжёлым, оценивающим взглядом Хунши почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.

«Дядя, клянусь, твой племянник ни в чём перед тобой не провинился! К чему эти леденящие кровь гляделки?!»

Уткнувшись в тёплое плечо отца, счастливый Хунси даже не подозревал, что коварный дядюшка уже сотворил за его спиной сомнительный сговор. Вновь обретя Инъжэна, мальчик выплакивал всё, что копилось в его душе долгие годы: бывшие обиды, бесприютную тоску перерождения, изнуряющее одиночество среди чужих людей. К чёрту приличия, к чёрту незыблемые правила при дворе! В этот миг он хотел быть просто испуганным девятилетним ребёнком, нашедшим спасение под защитой самого близкого человека.

Слёзы сына разрывали сердце Инъжэна на части. Хунси... Мальчик ведь не щадил себя, пытаясь защитить своего непутёвого отца. Будучи старшим сыном опального наследника престола, он с малых лет познал цену ядовитым наветам и тайным козням. Когда сам Инъжэн инсценировал собственную смерть, чтобы вырваться из золотой клетки, он наивно полагал, что Четвёртый брат из остатков родственной жалости позаботится о племяннике. Как же он мог забыть простую истину: кровь Восточного дворца — это несмываемое клеймо, обрекающее владельца на вечную погибель! Проклятый Хунли... Император Цяньлун! Пусть только этот выскочка посмеет показаться ему на глаза — Инъжэн лично устроит ему такое пекло, какое не снилось ни одному грешнику в преисподней.

Выплеснув всю накопившуюся горечь, Хунси наконец затих. Смущение запоздало настигло его: шутка ли, разрыдаться как младенец, да ещё и на глазах у двоих свидетелей! Уткнувшись

носом в грудь отца, он замер, наотрез отказываясь поднимать голову.

Иньжэн ласково покачал головой и, со значением усмехнувшись, легонько подтолкнул сына к столу.

Осознав, что в таком положении он выглядит ещё нелепее, Хунси решился. «Будь что будет, пускай старший дядя смеётся сколько душе угодно!» — подумал он. Расправив плечи, мальчик вытащил из широкого рукава шёлковый платок, торопливо утёр заплаканное лицо и, не поднимая покрасневших глаз, крепко ухватился за тёплую ладонь Иньжэна.

Отец бережно коснулся его влажной щеки, безмолвно делясь теплом, и усадил рядом с собой. Хунси наконец решился поднять взгляд. Посмотрев на сидевшего напротив юношу с лихорадочно блестящими глазами, а затем переведя взор на Иньти, он вдруг всё понял.

Хунши невинно улыбнулся, хотя взгляд его оставался прикованным к Иньжэну:

— Старший братец... Это же я, Хунши!

От этого вкрадчивого, протяжного тона Хунси невольно передёрнуло.

«Надо же, оживший гибрид бешеной лисы и действующего вулкана! Воистину, противоположности сходятся. Кто бы мог подумать, что у вечно ледяного Юнчжэна вырастет столь... непохожее на него чадо».

В прошлой жизни в стенах Императорской школы Хунси часто опекал этого розовощёкого карапуза, даже не подозревая, какого настырного прилипалу обрёл в его лице. А ведь если вспомнить, на закате бытия их судьбы оказались тесно переплетены...

Не дав племяннику окончательно погрузиться в размышления, Иньти небрежно обронил:

— К слову сказать, в этой жизни Хунши зовётся тринадцатым принцем Юнцзином. А наш ненаглядный Баочэн — двенадцатый принц Юнцзи.

Это известие окончательно выбило почву из-под ног Хунси, считавшего себя ко всему привычным. То, о чём он смутно догадывался, но упорно старался не думать, предстало перед ним во всей своей нелепой наготе. Словно побитый щенок, мальчик со слезами на глазах уставился на отца:

«Ама, умоляю, скажи, что эти безумные родственные связи можно проигнорировать! Я ни за что на свете не соглашусь быть на целое поколение младше этой хитрой лисицы!»

Иньжэн со смешком потрепал сына по макушке и, взглянув на Иньти, мягко произнёс:

— Когда мы наедине, зовите друг друга так же, как и в прежние времена.

Рука Иньти, тянувшаяся к кубку с вином, на мгновение замерла. В глубине его тёмных глаз вспыхнула тёплая искра.

«Без посторонних...»

Тут же укорив себя за минутную слабость, старший принц недовольно хмыкнул. Надо же, как мало ему теперь нужно для счастья! Просто позор для грозного полководца.

<http://bllate.org/book/18338/1865359>